

О внутренней форме диалектной этнофраземы *посадить под корыто*

В.И. КОВАЛЬ

В статье рассматривается внутренняя форма диалектного фразеологического оборота *посадить под корыто* в аспекте выявления его связи со сферой народной духовной культуры (народных практик лечения ослабленных детей).

Ключевые слова: фразеология, семантика, внутренняя форма, этнокультурная символика.

The article touches upon the inner form of dialectal phraseological unit *put under a trough* in the aspect of its connection to national spiritual culture, i.e. people's practices of impaired children treatment.

Keywords: phraseology, semantics, inner form, ethnocultural symbolism.

К числу актуальных и недостаточно разработанных проблем фразеологии как отдельной отрасли языкознания относится историко-этимологическая интерпретация устойчивых словосочетаний, утративших свою внутреннюю форму. Особый интерес в этом плане представляют фразеологизмы, формально (или генетически) соотносящиеся с омонимичными свободными словосочетаниями. Подобные фразеологизмы состоят из слов-компонентов активного употребления (рус. *съесть собаку* 'стать опытным в чем-либо', *поехать в Могилов* 'умереть', *Кондрашка хватил* 'о параличе, смерти'; бел. *з'есці навука* 'забеременеть', *калаціць зялены мак* 'оговаривать, сплетничать' и под.), что создает иллюзию «прозрачности» их внутренней формы. В подобных случаях представляется чрезвычайно важным учитывать два обстоятельства: во-первых, основываясь на моделируемом характере подобных фразеологизмов, соотносить их со сходными в структурно-семантическом отношении оборотами; во-вторых, обращать внимание на роль этнокультурных сведений в формировании целостной фразеологической семантики. Как показывают наблюдения, в глагольно-именных этнофразах этнокультурно значимыми обычно являются субстантивные компоненты [1, с. 17–90].

Богатый материал в этом отношении дает диалектная фразеология. Так, в русских новгородских и некоторых сибирских говорах употребляется фразеологизм *посадить под корыто* (брата, сестру) 'жениться (выйти замуж) раньше старшего брата (сестры)' (БСРП, с. 318). В украинском языке фразеологизм *під корито підвернути старшу* отмечается не только с этим же значением – 'выйти замуж раньше старшей сестры' (Гринч. 3, 160), но и развивает более отвлеченное значение, не связанное с брачной сферой – 'одолеть': *Підвернемо тепер ми під корито ваших полковників та гетьманів* (Гринч. 2, с. 284).

Определяя внутреннюю форму диалектного устойчивого словосочетания *в корыто посадить* 'обойти в браке старшую сестру', И.А. Подюков указывает на его возможную связь с обрядовым высмеиванием свахи, которую в корыте катали по деревне [2, с. 51]. Использование корыта в качестве «транспортного средства» действительно известно в свадебной обрядности: «Берут железное корыто, к которому привязывают жестяные банки, разные гремящие предметы, чтобы было больше шума. Спереди к корыту привязывают вожжи или веревки. Тестя сажают в корыто, и жених, дружка (свидетель) или друзья и родственники жениха с грохотом волокут корыто с тестем по всей деревне». Подобное алогичное с точки зрения здравого смысла действие объясняется двумя причинами: «с одной стороны, грохот распугивает и отгоняет нечистую силу, с другой – тесть таким образом оповещает всех о том, что он выдал свою дочь замуж и приобрел новый социальный статус тестя» [3]. По мнению Т.В. Володиной, происхождение белорусского диалектного фразеологизма *пасадыць пад карыта* 'выйти замуж раньше старшей сестры' соотносится со сказочными мо-

тивами, «когда мачеха прячет под корыто падчерицу от приезжего молодца, а выставляет свою дочь» [4, с. 230].

Вместе с тем, при выявлении внутренней формы рассматриваемого фразеологизма нельзя не учитывать наличия в именном слове-компоненте *корыто* архаичной (языческой по своей природе) этнокультурной символики, истоки которой основываются на «магии подобия» (Дж. Фрэзер). В сфере народной духовной культуры корыто на основании внешнего сходства устойчиво ассоциируется «с женским телесным низом, а через него — с колыбелью/могилой» [4, с. 229]. Н.Н. Велецкая, характеризуя архаический вариант масленичного обряда в Сибири, обращает внимание на помещение корыта (воплощения женского начала) в специальные сани, где устанавливалось «соломенное чучело с мужскими атрибутами»: с одной стороны, через связь чучела с корытом актуализировалась свойственная масленичной обрядности эротичность, а с другой стороны, корыто как «символ гроба» однозначно связывалось с не менее характерной для Масленицы похоронной обрядностью [5, с. 73].

Названная символика подтверждается рядом выразительных примеров, относящихся, прежде всего, к сфере народной медицины. Сравн.: «Помещение под корыто актуализирует доминирующие в народной медицине идеи второго рождения, которое обеспечивается символическим отождествлением, с одной стороны, корыта и женского лона, а с другой — корыта и гроба» [4, с. 229]. Весьма показательно в этой связи содержание ритуала «перерождение ребенка», записанного в начале XX века в Новгородской губернии. Этот обряд выполнялся в том случае, когда ребенок родился недоношенным и потому слабым: «Для этой операции мать с ребенком идет к знахарке. Та берет ребенка, кладет на пол и покрывает корытом, в котором стирают белье. Затем она выбирает какой-нибудь хрупкий камень и изо всей силы ударяет им по дну корыта, так что камень весь рассыпается вдребезги. Сделав это, вынимает ребенка из-под корыта и приказывает матери снять верхнее платье и остаться в одной рубашке. Раздевает также донага ребенка и продевает его сверху вниз, через ворот рубашки матери» [6, с. 70–71]. В приведенном описании этнокультурно значимым является не только помещение ребенка под корыто, но и разбивание о корыто камня, а также «продевание» обнаженного ребенка через ворот материной рубашки, что, несомненно, символизирует его «повторное» рождение. Еще более отчетливо связь корыта со сферой деторождения проявляется в следующем описании: «Больного ребенка накрывали корытом, при этом мать еще и садилась на него сверху, прямо имитируя роды» [7].

В Беларуси при «лечении» ребенка, подвергшегося сглазу, использовали корыто, из которого кормили свиней, причем свиньи осмыслялись в этом случае как животные, нейтрализующие опасную болезнь: «Когда подвергшееся сглазу дитя издает слабый болезненный визг, нужно положить его под корыто у самого порога свинарника и перегнуть свиней через корыто» [8, с. 36]. Аналогичное магическое действие, выполнявшееся с целью излечения от сглаза, испуга и ночного плача, было записано А.К. Сержпутовским на белорусском Полесье [9, с. 163].

Приведенный материал ценен не только для реконструкции архаичной символики одного из предметов домашнего обихода: данные контексты фактически являются деривационной базой диалектной этнофраземы *посадить под корыто*, поскольку в них в различных формах реализуются соответствующие словосочетания-прототипы (*вынимает ребенка из-под корыта, ребенка накрывали корытом, положить его под корыто* и др.).

Очевидно, что в семантике фразеологизма *посадить под корыто* актуализировалось представление о превосходстве младших брата или сестры, являющихся более жизнеспособными, более удачливыми, чем старшие брат или сестра. Последние, в свою очередь, отождествлялись в народном сознании с больными, физически слабыми детьми, которых следует помещать в таком случае буквально под корыто для излечения, а значит — для замужества (женитьбы).

В связи с рассмотрением происхождения фразеологизма *посадить под корыто* небезынтересно обратить внимание на малоизвестный сюжет сказки о Красной Шапочке, записанный в свое время братьями Гримм. Этот текст представляет собой развитие уже известно-

го сюжета об обманутой, съеденной волком и чудесным образом спасенной маленькой девочке, которая, однако, уже повзрослела и стала более рассудительной после пережитых опасных приключений. Интересен же текст потому, что орудием мести Красной Шапочки и Бабушки выступает корыто. Приведем кульминационный фрагмент этого уникального текста:

«Однажды, когда Красная Шапочка опять несла Бабушке пирог, заговорил с ней другой Волк и хотел было увести ее с большой дороги. Но Красная Шапочка была теперь поосторожней и пошла своим путем прямо, и рассказала Бабушке, что встретился ей по дороге Волк и сказал «здравствуй» и так злобно посмотрел на нее своими глазами, что, случись это не на проезжей дороге, он съел бы ее. «Так вот что, – сказала Бабушка Красной Шапочке, – давай-ка запрем двери, чтоб не мог он сюда войти». А тут вскоре и Волк постучался и говорит: «Бабушка, отопри мне, я – Красная Шапочка, пирог тебе принесла». А они молчат, дверь не открывают. Тогда обошел серый, крадучись, вокруг дома несколько раз, прыгнул потом на крышу и стал дожидаться, пока Красная Шапочка станет вечером возвращаться домой: он хотел пробраться за ней следом и съесть ее в темноте. Но Бабушка догадалась, что задумал Волк. А стояло у них перед домом большое каменное корыто; вот Бабушка и говорит внучке: «Красная Шапочка, возьми ведро – я вчера варила в нем колбасу – и вылей воду в корыто». Красная Шапочка стала носить воду, пока большое корыто не наполнилось всё доверху. Почуял Волк запах колбасы, повел носом, глянул вниз и так вытянул шею, что не мог удержаться, покатился с крыши и свалился вниз, да прямо в большое корыто, в нем он и утонул. А Красная Шапочка счастливо домой воротилась, и никто уже с той поры ее больше не обижал» [10].

В данном случае несомненным мифологически значимым атрибутом является каменное корыто, в котором находит свою гибель Волк. В сфере народной духовной культуры корыто, как было отмечено, осмыслялось как воплощение женского рождающего начала. С учетом выявленной архаичной символики, представленной в тексте сказки о Красной Шапочке [11, с. 10–30], становится очевидным следующее. Во фрагменте записанного братьями Гримм сказочного сюжета корыто выступает в роли губительного для Волка (насильника-педофила) женского начала, жестоко и неотвратно мстящего за насилие и надругательство: Волк тонет в наполненном водой до краев корыте, отправляясь на «тот свет». Справедливость, таким образом, торжествует: не Волк съедает Бабушку и Красную Шапочку, а мстящее, смертоносное корыто, символизирующее в этот раз губительное для воплощенного зла женское лоно, выступает в роли субъекта и «съедает», «поглощает» алчного Волка.

Приведенная интерпретация фрагмента сказочного сюжета вполне соотносится с представлениями о ритуальном обнажении женщины как одной из форм апотропейной магии. Так, в Полесье при лечении эпилепсии обнаженная женщина садилась на закрытое черной тряпкой лицо больного со словами «Чым нарадзіла, тым і накрыва» [12, с. 357]. Еще более выразительный случай «нейтрализации» ритуально обнаженной женщиной врагов, которые взяли город в осаду, приводит в одной из своих работ академик Н.И. Толстой. На фоне обширного этнокультурного материала ученый раскрывает мифологические истоки алогичного с точки зрения наблюдателя, но мужественного и вполне логичного в сфере этнокультурных представлений поступка женщины-знахарки, которая, оголившись, выходила на городскую стену и на виду у всех проклинала врагов, произносила непристойные ругательства, отправляя их к телесному низу, т. е. желая им неизбежной смерти [13, с. 6].

Таким образом, внутренняя форма диалектного фразеологизма *посадить под корыто* в полной мере может быть восстановлена в результате привлечения этнокультурных сведений, связанных с архаичной символикой корыта как ритуализованного предмета, реализующего амбивалентные – охранительно-апотропейные и смертоносные – представления.

Литература

1. Коваль, В.И. Фразеология народной духовной культуры: состав, семантика, происхождение : монография / В.И. Коваль. – Минск : РІВШ, 2011. – 196 с.

2. Подюков, И.А. Народная фразеология в зеркале народной культуры : учеб. пособие / И.А. Подюков. – Пермь : ПГПИ, 1991. – 124 с.
3. Лянгасова, С. Традиции настоящей русской свадьбы / С. Лянгасова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ikirov.ru/news.html>. – Дата доступа : 20.11.2012.
4. Валодзіна, Т.В. Карыта / Т.В. Валодзіна // Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011. – С. 229–230.
5. Велецкая, Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов / Н.Н. Велецкая. – М. : Наука, 1978. – 107 с.
6. Попов, Г. Русская народно-бытовая медицина. По материалам географического бюро князя В.Н. Тенишева / Г. Попов. – СПб. : Типография А.С. Суворина, 1903. – 404 с.
7. Бабий кут (угол), бабий наряд [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://croissante.livejournal.com/76569.html>. – Дата доступа : 25.11.2012.
8. Никифоровский, Н.Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах / Н.Я. Никифоровский. – Витебск, 1897. – 308 с.
9. Сержпудоўскі, А.К. Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў : беларуская этнаграфія ў доследах і матэрыялах. Кн. VII / А.К. Сержпудоўскі. – Менск : Бел. АН, 1930. – 383 с.
10. Красная Шапочка. Сказки братьев Гримм [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://hobbitaniya.ru/grimm/grimm26.php>. – Дата доступа : 23.11.2012.
11. Коваль, В.И. Текст и язык: поиски истоков : монография / В.И. Коваль. – Минск : РИВШ, 2012. – 270 с.
12. Агапкина, Т.А. Нагота / Т.А. Агапкина, М.М. Валенцова, А.Л. Топорков // Славянские древности : этнолингвистический словарь в 5-ти томах / под общей ред. Н.И. Толстого. – Т. 3. – М. : Междунар. отношения, 2004. – 693 с.
13. Толстой, Н.Н. «...Выходила потаскуха в чем мать родила» / Н.И. Толстой // Живая старина. Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. – 1994. – № 4. – С. 6–7.

Принятые сокращения

БСРП – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.

Гринч. – Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская старина» / редактировал, с добавлением собственных материалов, Б.Д. Гринченко : Т. 1–4. – Київ : Вид-во АН УРСР, 1958–1959.